

A black and white photograph of a man and a woman in a romantic embrace. The man is in the foreground, wearing a dark suit and a bow tie, looking slightly to the right. The woman is behind him, her head resting on his shoulder, looking towards the camera with a soft expression. The background is a blurred interior setting with curtains.

ПАВЕЛ
НИКОЛАЕВ

.....

Есенин в быту

18+

Павел Николаев

Есенин в быту

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

Николаев П. Ф.

Есенин в быту / П. Ф. Николаев — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-081-4

В работе, предлагаемой вниманию читателей, рассказывается о великом русском поэте Сергее Есенине. При этом основное внимание уделяется не его творческой деятельности, а его бытовой жизни в суровых условиях двух войн (Первой мировой и Гражданской), двух революций (Февральской и Октябрьской) и НЭПа – новой экономической политики молодого Советского государства. Книга носит научно-популярный характер и обращена к широкому кругу читателей.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-081-4

© Николаев П. Ф., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Москва – Петроград	6
Путь вверх	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Павел Николаев

Есенин в быту

© Николаев П. Ф., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Москва – Петроград

В мясной лавке. Находясь осенью 1924 года в Тифлисе, Сергей Александрович жил в доме писателя Н. К. Вержбицкого на Коджорской улице. Творческая деятельность быстро сблизила их, и поэт кое-что поведал Николаю Константиновичу о себе:

– Я приехал в Москву из деревни в начале 1912 года, и, собственно говоря, вовсе не для того, чтобы начать литературную карьеру. Дело обстояло гораздо проще – предложили работать подручным приказчика в мясной лавке у родственника...

Из этого фрагмента воспоминаний можно заключить, что именно в начале 1912 года состоялось знакомство гения русской поэзии со старой столицей. Но это не совсем так. Впервые Есенин побывал в Москве в июне предшествующего года. Тогда в городе, который он называл «ситцевым», Сергей находился неделю и жил у отца.

Александр Никитич Есенин проживал в доме № 24 (строение II, квартира 6) по Большому Строченовскому переулку¹. В состав владения, которое значилось под номером 24, входило четыре дома. Строение II находилось во дворе. Это был двухэтажный дом из четырёх квартир. Владение, то есть дома и территория, на которой они стояли, принадлежало купцу Н. В. Крылову.

Главным во владении было строение I – двухэтажный деревянный дом, стоявший прямо по переулку. На его первом этаже располагались харчевня А. Ф. Крыловой, овощная и мясная лавки домовладельца и помещение служащих харчевни. На втором этаже находились три жилых квартиры.

Отец Есенина считался старшим приказчиком в мясной лавке, в которой работал со дня рождения сына. То есть, числясь крестьянином, в действительности он таковым не был. Не был им и дед Сергея (по матери) Фёдор Андреевич Титов, который говорил о себе:

– Жил светло. Без тысячи домой² не ездил. Сорок годов в Питере хозяйствовал. Как министра тут меня встречали. Известно, в деревне кто богат – тому и почёт. Нужды не имел...

До преклонных лет ни дед, ни отец Сергея в Константинове практически не жили, но родной дом любили и не забывали его. В любви к своему краю вырос и будущий поэт.

– Я – рязанец, – с гордостью говорил он. – Первые мои книги стихов должны были больше говорить моим землякам, чем остальным читателям. Я крестьянин Рязанской губернии, Рязанского же уезда.

И вот этот «крестьянин» впервые попал в большой город. Чем же он запечатлелся в его памяти? Книжными магазинами и лавками. 7 июля, уже из Константинова, Сергей писал приятелю Грише Панфилову: «Я был в Москве одну неделю, потом уехал. Мне в Москве хотелось побыть больше, да домашние обстоятельства не позволили. Купил себе книг штук 25. Десять книг отдал Митьке, пять Клавдию. Я очень рад, что он взял. Остальные взяли гимназистки у нас здесь в селе. И у меня нет ничего» (6, 8–9)³.

В семнадцать лет Есенин был хорошо начитан, имел своё мнение о классиках русской литературы. В другом послании приятелю он сообщал: «Разумеется, я имею симпатию к таким людям, как Белинский, Надсон, Гаршин и Златовратский (и др.), но как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов – я не признаю. Тебе, конечно, известны цинизм А. Пушкина, грубость и невежество Лермонтова, ложь и хитрость А. Кольцова, лицемерие, азарт, карты и притесне-

¹ Баранов В. Московские адреса Сергея Есенина, 1912–1916 гг. // О Русь, взмахни крылами. Есенинский сборник. Вып. 1. М., 1994. С. 137–138.

² «Домой» – в родовое гнездо Есениных село Константиново.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Письма / сост. и общ. ред. С. И. Субботина. М.: Наука: Голос, 1999. (Далее цитирование по данному изданию с указанием номера тома и страницы.)

ние дворовых Н. Некрасовым, Гоголь – это настоящий апостол невежества, как и назвал его Белинский в своём знаменитом письме. Когда-то ты мне писал о Бодлере и Кропоткине, этих подлецах, о которых мы с тобой поговорим после».

В мае 1912 года Есенин окончил Спас-Клепиковскую Второклассную учительскую школу и в конце июля был снова в Москве. Поселился, как и в прежний свой приезд, у отца. Но уже 18 августа, получив прописку, перебрался в квартиру № 11, находившуюся в IV-м строении дома № 24 по Б. Строченовскому переулку. Общая площадь квартиры составляла 28 квадратных метров. Она состояла из передней, кухни и трёх комнатушек в одно окно. Соседями Сергея были семьи каменщика и рабочих фабрики Ганзина. Строение IV находилось в глубине двора. Это был деревянный двухэтажный флигель на каменном подвале. Квартира № 11 находилась на первом этаже.

Александр Никитич пристроил сына в контору мясной лавки Н. В. Крылова. «Но такая работа, – рассказывал позднее Есенин, – мне очень не понравилась, самый запах сырого мяса был противен».

Окружение ни в конторе, ни по месту жительства ничего не могло дать юноше с высокими потребностями и тонкой, легко ранимой психикой. Свою неудовлетворённость бытием Сергей изливал в письмах единственному другу:

«Дорогой Гриша! Ты тоже страдаешь духом, не к кому тебе приютиться и не с кем разделить наплывшие чувства души; глядишь на жизнь и думаешь: живёшь или нет? Уж очень она протекает однообразно. Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. „Живу ли я, или жил ли я?“ – такие задаю себе вопросы, после недолгого пробуждения.

С. Есенин, 1912 г.

Я сам не могу придумать, почему сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться. Так жить – спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно. Я тоже не читаю, не пишу пока, но думаю».

Кроме Гриши Панфилова Сергей вёл в это время довольно оживлённую переписку с Марией Бальзамовой, с которой познакомился 8 июля. В тот день жители Константинова широко отмечали престольный праздник иконы Казанской Божией матери. Мария сразу предложила юному поэту свою дружбу. Есенину она тоже приглянулась («Эта девушка – тургеневская Лиза из „Дворянского гнезда“», – говорил он). Внезапно родившаяся симпатия двух сердец многим не понравилась и вызвала насмешки и колкости. Тут впервые проявились чрезвычайное самолюбие и душевная ранимость потенциального гения.

«Надо мной смеялись, – негодовал он. – Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена. Я был в сознании, но передо мной немного всё застилалось какою-то мутной дымкой. Потом, я сам не знаю почему, вдруг начал пить молоко, и всё прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять всё прошло, и никто ничего-ничего не узнал».

Это была первая попытка самоубийства, мысль о котором (явно или в скрытой форме) сопровождала Есенина всю жизнь. Он говорил по этому поводу В. Ф. Наседкину:

– Поэту необходимо чаще думать о смерти, только памятуя о ней, поэт может особенно остро чувствовать жизнь.

Симптоматично примечание, сделанное Василием Фёдоровичем к этому высказыванию: «Разговор о том же через некоторое время повторился».

Лирика молодого поэта была насыщена погребальными звуками (1911/12):

Догадался и понял я жизни обман
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

(«Моя жизнь»)

Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остывшие.
Что прошло – не вернуть никогда.

(«Что прошло...»)

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придём к тебе.

(«К покойнику»)

Но ведь я же на родине милой,
А в слезах истомил свою грудь.
Эх... лишь, видно, в холодной могиле
Я забыться могу и заснуть.

(«Слёзы»)

Нет, уже лучше тогда поскорей
Пусть я уйду до могилы,
Только там я могу, и лишь в ней,
Залечить все разбитые силы.

(«Пребывание в школе»)

Литературные знакомства. В мясной лавке Крылова молодой поэт не задержался: с сентября он уже работал в конторе книгоиздательства «Культура». Оно находилось на Малой Дмитровке, 1, на углу с Большим Путниковским переулком. Почти напротив него до сего дня красуется многостатровая церковь Рождества Богородицы «что в Путинках» – замечательный памятник архитектуры первой половины XVII столетия.

Где-то к концу года Есенин познакомился в одной из чайных Замоскворечья с поэтом С. Н. Кошкарковым (Заревым). Сергей Николаевич возглавлял в то время Суриковский литературно-музыкальный кружок и был автором десяти стихотворных сборников. Жил он на Новой

Божедомской (теперь улица Достоевского), дом 11, строение 6. Одно время у него обитал и Есенин, которого председатель опекал и поддерживал.

В 1912 году Суриковский кружок представлял собой солидную организацию пролетарско-крестьянских писателей. Деятельность кружка была направлена не только на выявление литераторов-самородков, но и на политическую работу.

«Лето после Ленских расстрелов, – писал Г. Д. Деев-Хомяковский, один из руководителей кружка, – было самое живое и бурное. Наша группа конспиративно собиралась в Кунцеве, в парке бывшего Солдатёноква, близ села Крылатского, под заветным вековым дубом. Там, под видом экскурсий литераторов, мы впервые и ввели Есенина в круг общественной и политической жизни».

Там молодой поэт впервые стал публично выступать со своим творчеством. Талант его был замечен всеми собравшимися.

Суриковский кружок не имел своего помещения, поэтому его заседания проходили где придётся. Об одном из них рассказывал поэт В. Горшков:

«Помню вечер кружка в гостинице Грачёва на Каланчёвской улице под Южным мостом. В числе других вошёл в маленькую, душную прокуренную комнату-номер, вернее вбежал весело и торопливо, кудряво-волосый, синеглазый тоненький мальчик.

– Как фамилия? – Всем хотелось узнать нового молодого гостя.

– Есенин, – торопливо, по-детски ответил мальчик, приступая к чтению».

В марте 1913 года книгоиздательство «Культура» закрылось. Сергей остался без средств к существованию. Помог отец. Через знакомого фабрику И. Д. Сытина он устроил туда сына подчитчиком (помощником корректора). Корпуса типографии товарищества И. Д. Сытина занимали большую территорию и выходили на две улицы: Пятницкую, дом 81 и Валовую, дома 22 и 28.

Товарищество Сытина было крупнейшим книгоиздательством России. Там Есенин свёл знакомство с коллегой по работе – корректором Воскресенским, который заинтересовался юношей и познакомил его с поэтом И. А. Белоусовым, возил Сергея к нему.

В адресной книге Москвы за 1913 год читаем: «Белоусов Иван Алексеевич. Соколиная, собственный дом. Литературно-художественный кружок. Московское отделение кассы Взаимопомощи литераторов и учёных. Общество любителей Российской словесности. Редактор-издатель журнала „Путь“». То есть поэт возглавлял все организации, указанные в справочнике.

Соколиная улица (теперь Семёновский переулок) коротка и извилиста. Белоусову принадлежало на ней владение № 24, в него входило семь небольших одно- и двухэтажных домов, которые сдавались в аренду. Эта улица расположена между Малой Семёновской и существовавшим тогда Измайловским Камер-Коллежским валом.

Хозяин владения занимал строение № 2. Это был большой деревянный дом с мезонином. В его нижней части находилось семь комнат, в верхней – пять. Дом имел две пристройки для сеней и хозяйственных принадлежностей. От остальных строений владения его отделял небольшой сад.

После знакомства с поэтом Есенин ещё несколько раз побывал у него; в одном из писем М. Бальзамовой он спрашивал её: «Слышала ль ты про поэта Белоусова. Я с ним знаком, и он находит, что у меня талант, и талант истинный. Я тебе это говорю не из тщеславия, а так, как любимому человеку. Он ещё кой-что говорил мне, но это пусть будет при мне». Но, не удержавшись, пояснял, почему не всем надо знать это «кой-что»: «Может быть, покажется странным и даже сверхъестественным» (6, 50).

Есенин никогда не страдал излишней скромностью, и поэтому можно предположить, что его порадовало не само признание Белоусовым его таланта, а подтверждение известным поэтом собственного мнения о себе.

Есенин был активен в поисках авторитетов, которые могли подтвердить незаурядность его таланта. Так ему удалось встретиться с известным литературоведом и историком русской поэзии XIX столетия профессором П. Н. Сакулиным. Павел Никитич принимал Сергея в доме купчихи М. Я. Петровской (Трубников-ский переулок, 3), где снимал квартиру. Он дал самый положительный отзыв о творениях молодого поэта, особенно выделив следующее:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска весёлая в аlostях зари.

Профессор был удивлён, что это весьма зрелое стихотворение Есенин написал в пятнадцать лет; одобрил и другие опыты юноши. Расстались довольные друг другом. По свидетельству Николая Сардановского, товарища Сергея по Константинову, «он с восторгом рассказывал свои впечатления о разговоре с профессором».

За год с небольшим безвестный крестьянский паренёк получил признание в литературной среде старой столицы. Казалось бы, чего уж лучше – живи да радуйся. Так нет – в начале апреля произошла ссора с отцом, и Сергей сообщил Г. Панфилову:

«Дорогой Гриша!

Извини, что так долго не отвечал. Был болен, и с отцом шла неприятность. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи. Ну что ж! Я отвоевал свою свободу. Теперь на квартиру к нему хожу редко. Он мне сказал, что у них „мне нечего делать“.

Пишу письмо, а руки дрожат от волнения. Ещё никогда я не испытывал таких угнетающих мук.

Грустно, душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают...

Жизнь... Я не могу понять её назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно» (6, 24–25).

Закончил Есенин это письмо строфой из поэмы... «Смерть», над которой работал в апрельские дни, перед Пасхой.

Здесь, по-видимому, надо обратить внимание читателя на категорическое заявление Есенина «Я один». Действительно, первый друг Сергея Николай Сардановский остался в прошлом.

Второй – Гриша Панфилов – был далеко. Отец фактически отказался от сына, а мать Сергей узнал где-то к восьми годам. Татьяна Фёдоровна ушла из семьи вскоре после рождения сына, а когда вернулась, вымещала свои горести на Сергее и его сестре Кате. То есть мальчик рос в неблагополучной семье, что сказало и на его характере, и на его психике. После ссоры с отцом он говорил:

– Мать нравственно для меня умерла уже давно, а отец, я знаю, находится при смерти.

Духовное одиночество неординарной (но ещё незрелой) личности – это тоска и постоянные терзания. Своими душевными муками Сергей попытался поделить кое с кем из коллег по работе, но понимания не нашёл. «Меня считают сумасшедшим, – писал он 23 апреля Грише Панфилову, – и уже хотели везти к психиатру, но я послал всех к сатане и живу, хотя некоторые опасаются моего приближения. Ты понимаешь, как это тяжело, однако приходится мириться с этим...» Что же хотел поведать людям будущий гений? Читайте:

«Все люди – одна душа. В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение.

Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути злоешие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны. Жизнь в обратной колее. Счастье – удел несчастных, несчастье – удел счастливых. Ничья душа не может не чувствовать своих страданий, а мои муки – твоя печаль, твоя печаль – мои терзания. Я, страдая, могу радоваться твоей жизнью, которая протекает в довольстве и наслаждении в истине. Вот она, жизнь, а её назначение Истина...» Словом, возлюби ближнего как самого себя.

Искания. В середине 1913 года Есенин подвёл итоги своего пребывания в старой столице: «Ты называешь меня ребёнком, – писал он М. Бальзамовой, – но увя, я уже не такой ребёнок, как ты думаешь, меня жизнь достаточно пощёлкала. Были у меня тяжёлые минуты, когда к сознанию являлась мысль: да стоит ли жить? Идеализм мой действительно был таков, каким представляли его себе люди – люди понимающие. Я был сплошная идея. Теперь же и половину не осталось. И это произошло со мной не потому, что я молод и колеблюсь под чужими взглядами, но нет, я встретил на пути жестокие преграды, и, к сожалению, меня окружали все подлые людишки.

Я не доверяю ничьему авторитету, я шёл по собственному расписанию жизни, но назначенные уроки терпели крах. Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только сомнения в ничтожестве человеческой жизни» (6, 47).

Это крик души человека с тонкой организацией психики, человека легкоранимого и до крайности самолюбивого. Есенин рано осознал себя поэтом – и поэтом незаурядным, притязающим ни много ни мало на ранг гениальности. Его стихи одобрили поэты И. А. Белоусов и С. Н. Кошкарлов, критик и историк русской поэзии профессор П. Н. Сакулин, его хорошо встретили в Суриковском литературно-художественном кружке, но редакции газет и журналов, в которые он посылал стихи, сохраняли гробовое молчание – ни ответа ни привета. Это бесило поэта: ждать и терпеть он не умел. Всю вторую половину 1913 года Сергей находился в депрессивном состоянии. В октябре было следующее отчаянное письмо М. Бальзамовой:

«Жизнь – это глупая шутка. Всё в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущённый хаос разврата.

К чему же жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. Я один, и никого нет на свете, который бы пошёл мне навстречу такой же тоскующей душой. Будь это мужчина или женщина, я всё равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошёл бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит, и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы – жизни, как чистые хрустальные волны моря. Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится ещё, – я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мёртвую, пёструю и холодную мостовую».

Мысль о смерти будет постоянной и в жизни, и в творчестве поэта. В эти же октябрьские дни он послал Г. Панфилову стихотворение, очень созвучное своему настроению, – «На память об усопшем у могилы»:

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землёй,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой.

Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело, никому не понятные,
Мрачные тени легли.

Спит он, а ивы над ним наклонились,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузились,
Думают думы о нём.

Тихо от ветра, тоски напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль.
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль.

...Не говоря уже о видимом – поэтическом – даре, Есенин выделялся среди фабричного окружения высокими моральными требованиями, почерпнутыми им в классической литературе (люди называют их идеализмом). Вхождение юноши во враждебную среду большого города вызвало ломку в его духовной сущности, непонимание окружающими и моральное противостояние им. Но и среди массы обывателей нашлись люди, взывающие лучшего, и вскоре после поступления в издательство Сытина Есенин оказался в числе пяти групп «сознательных рабочих Замоскворецкого района», которые осудили раскольническую деятельность ликвидаторов и антиленинскую позицию газеты «Луч». Этот документ попал в Московское охранное отделение, где Сергей получил кличку «Набор».

Одним из первых общественных поручений Сергею стало распространение среди рабочих типографии журнала «Огни». Его целью ставилось: дать широкому слою читателей доступный по форме и разнообразный по жанру материал, способствующий духовному развитию личности. Затем Есенин принял участие в однодневной общемосковской забастовке, о чём коротко сообщил Панфилову: «Дорогой Гриша! Писать подробно не могу. Арестовано восемь человек товарищей. Много хлопот, и приходится суетиться».

В следующем письме Сергей сообщал другу: «За мной следят, и ещё совсем недавно был обыск у меня на квартире. Объяснять в письме всё не стану, ибо от сих пашей и их всевидящего ока не скроешь и булавочной головки. Приходится молчать. Письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта. Ещё раз прошу тебя, резких тонов при письме избегай, а то это кончится всё печально и для меня, и для тебя».

Что касается возможности попечалиться, то Есенин никогда не упускал её. В той же весточке Панфилову писал: «Я чувствую себя прескверно. Тяжело на душе. Вот и гаснет румяное лето со своими огненными зорями, а я и не видал его за стеной типографии. Куда ни взгляни, взор всюду встречает мёртвую почву холодных камней, и только и видишь серые здания да пёструю мостовую, которая вся обрызгана кровью жертв 1905 года⁴. Здесь много садов, оранжерей, но что они в сравнении с красотами родимых полей и лесов. Да и люди-то здесь совсем не такие. Да, друг, идеализм здесь отжил свой век, и с кем ни поговори, услышишь одно и то же: „Деньги – главное дело“, а если будешь возражать, то тебе говорят: „Молод, зелен, поживёшь – изменишься“. И уже заранее причисляют к героям мещанского счастья, считая это лучшим блаженством жизни. Все погрузились в себя, и если бы снова явился Христос, то он и снова погиб бы, не разбудив эти заснувшие души» (6, 52–53).

В конце своего довольно длинного послания другу как бы мимоходом сообщил: «Поступил в университет Шанявского на историко-философский отдел...»

Женитьба. Первые публикации. В университете Есенин познакомился с А. Р. Изрядновой. Анна тоже работала в типографии Сытина, но была на четыре года старше Сергея, который предстал перед ней в образе ангела небесного:

---

⁴ Во время Декабрьского вооружённого восстания 1905 года дружинники типографии Сытина сражались на баррикадах, возведённых на Пятницкой улице.

А. Изряднова

– Он только что приехал из деревни, но по внешнему виду на деревенского парня похож не был. На нём был коричневый костюм, высокий накрахмаленный воротник и зелёный галстук. С золотыми кудрями он был кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом.

Это по первому, а по второму и третьему?

– Был очень заносчив, самолюбив, его невзлюбили за это. Настроение было у него угнетённое: он поэт, а никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать.

Анна была ласковой девушкой. В херувима влюбилась с первого взгляда и буквально смотрела ему в рот. К тому же сразу принесла Сергею первый успех: в 1914 году в первом номере журнала «Мирок» под псевдонимом «Аристон» было опубликовано его стихотворение «Берёза»:

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Но первое опубликованное стихотворение Есенина не было первым написанным им. Таким (первым написанным) Сергей Александрович считал следующее:

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И берёзы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мёртвой колотушкой.

Есенин относил это стихотворение к 1910 году. Было ему тогда четырнадцать лет, и он говорил литературоведу И. Н. Розанову:

– С детства болел я мукой слова.

Но четырнадцать (а то и пятнадцать)⁵ лет – это уже не детство. То есть можно предположить, что и приведённое стихотворение не первое из сочинений поэта.

...В следующих номерах журнала «Мирок» были напечатаны стихотворения «Пороша», «Село», «Колокол дремавший...», «С добрым утром» и «Сиротка». Были публикации в журна-

---

⁵ С. А. Есенин родился 3 октября 1895 года.

лах «Доброе утро» и «Проталина», в газетах «Новь» и «Путь правды». Последняя издавалась в Петербурге. В разделе «Движение рабочих» 15 мая было напечатано стихотворение «Кузнец»:

Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за чёрной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.

На 1914 год выпали большие изменения и в личной жизни Сергея. В феврале умер его единственный друг – Гриша Панфилов. В марте Есенин вступил в гражданский брак с Анной Изрядновой; в середине мая ушёл из типографии Сытина, а в сентябре поступил (уже корректором) в типографию Чернышёва – Кобелькова.

В недолгий период ухаживания за Анной Есенин часто бывал в доме 20 по Тёплому переулку (теперь это улица Знаменка), в котором жила семья Изрядновых: три девицы и их родители. После бракосочетания Сергей и Анна поселились в доме 3, квартира 12 по 2-му Павловскому переулку. «Живём вместе около Серпуховской заставы, – писала Изряднова. – Работа отнимает очень много времени: с восьми утра до семи вечера, некогда стихи писать».

Стихи писал, конечно, супруг, а Анна хлопотала по дому – помощи от Сергея не было. «Ко мне он очень привязался, читал стихи. Требователен был ужасно, не велел даже с женщинами разговаривать – они нехорошие. Посещали мы с ним университет Шанявского. Всё свободное время читал, жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думая, как жить».

С воловины весны до осени Есенин не работал, тем не менее в июне заявил:

– Москва неприветливая – поедem в Крым.

И поехал – один. За две недели прожился и стал бомбардировать бедную женщину с требованием денег. Что делать? «Пошла к его отцу просить, чтобы выручил его. Отец не замедлил послать ему денег, и Сергей через несколько дней в Москве. Опять безденежье, без работы. Живёт у товарищей».

А почему не с женой? Тут мы подошли к весьма важному вопросу: отношение Есенина к женщинам. Первыми его увлечениями (ещё в Константинове) были Анна Сардановская и Мария Бальзамова, посвящал им стихи. Анну отверг из-за мелкой ссоры (случай с попыткой отравления). Марии писал: «...люблю безмерно тебя, моя дорогая Маня. Я тоже готов бы к тебе улететь, да жаль, что все крылья в настоящее время подломаны. Наступит же когда-нибудь время, когда я заключу тебя в свои горячие объятия и разделю с тобой всю свою душу. Ах, как будет мне хорошо забыть все свои волнения у твоей груди».

С. Есенин

А через четыре месяца (после знакомства с А. Изрядновой) ей же, своей мечте: «Я знаю, ты любишь меня, но подвернись к тебе сейчас красивый, здоровый и румяный с вьющимися волосами другой – крепкий по сложению и обаятельный по нежности, и ты забудешь весь мир от одного его прикосновения, а меня и подавно, отдашь ему все свои чистые девственные заветы».

Молодой поэт ещё не ведает силы своего обаяния и магического воздействия на женщин, но знает, что слаб физически и болен. В июне вместе с константиновским приятелем он переплывал запруженную разлившуюся Оку. Одолел, но долго отхаркивался кровью. Весь январь 1914 года проболел, о чём писал Г. Панфилову: «Последнее время я свалился с ног. У меня сильно кровь шла носом. Ничто не помогало остановить. Не ходил долго на службу».

Здоровье здоровьем, а письмо Марии – факт отступления от прежних уверений в вечной любви, оправдание себя (Есенин и в дальнейшем любил это делать). А что Изряднова? В марте она была уже беременна, а 21 декабря родила сына Юрия.

Кстати о работе. В мае Сергей ушёл из типографии Сыти-на. Жили молодые на зарплату Анны и скромные гонорары её суженого (платили 15 копеек за строчку, то есть не разбогатеешь). Тем не менее Сергей съездил в Крым и в Константиново. На другую работу устроился только в сентябре – корректором в типографию торгового дома «Чернышёв Д. и Кобельков Н.». Она находилась в Банковском переулке, 10 (район Мясницкой). Но там не задержался, с рождением сына уволился. Изряднова вспоминала:

– Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоём). Нужно было меня отправить в больницу, заботиться о квартире. Когда я вернулась домой, у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи истоплены, и даже обед готов и куплено пирожное, ждал. На ребёнка смотрел с любопытством, всё твердил: «Вот я и отец». Потом скоро привык, любил его, качал, убаюкивая, пел над ним песни.

1915 год начался для Есенина довольно удачно: во втором номере журнала «Млечный путь» появилось его стихотворение «Зашумели над затоном тростники...», а в третьем – «Выткался на озере алый свет зари...». Позднее они были признаны лучшими из всего напечатанного поэтом в ранний московский период его творчества.

Редактором-издателем журнала «Млечный путь» был Алексей Михайлович Чернышёв, приказчик торгового дома «А. Колесников». В его квартире и размещалась редакция: Садовническая, 9 (ныне улица Осипенко). В журнале охотно печатали произведения молодых авторов, особенно стихи. В редакции устраивались «субботы», на которые приходили писатели, художники и артисты. Читали стихи и рассказы, обменивались мнениями, говорили о новых книгах. В один из вечеров читал стихи Есенин. «Читал тихо, просто, задушевно, – вспоминал литератор (а тогда студент) Н. Н. Ливкин. – Кончив читать, он выжидающе посматривал. Все молчали.

– Это будет большой, настоящий поэт! – воскликнул я. – Больше всех нас, здесь присутствующих.

Есенин благодарно взглянул на меня».

Самой жгучей темой тогдашней журнальной литературы была война с Германией. Ни один печатный орган не обходился без стихов о русской армии и русских ратниках. 23 ноября 1914 года в газете «Новь»⁶ было напечатано стихотворение Есенина «Богатырский посвист». 22 февраля следующего года в журнале «Женская жизнь» появилась статья «Ярославны плачут», в ней Есенин показал отношение поэтов к грозным событиям. Русских Сафо он разделил на две группы – на два лагеря: «В каждом лагере свои взгляды на ушедших. Но нам одинаково нужны Жанна д'Арк и Ярославны. Как те прекрасны со своим знаменем, так и эти со своими слезами».

Есенин продолжал посещать занятия в Народном университете имени Шанявского. Там он познакомился с поэтами Н. И. Колоколовым, В. Ф. Наседкиным, И. Г. Филипченко и Д. Н. Семёновским. Последний писал о первой встрече с Сергеем: «На одной из вечерних лекций я очутился рядом с миловидным пареньком в сером костюме. Он весь светился юностью, светились его синие глаза, светились пышные волосы, золотистыми завитками спускавшиеся на лоб.

Лекция кончилась. Не помню, кто из нас заговорил первый, но только через минуту мы разговаривали как старые знакомые. Держался он скромно и просто. Доверчивая улыбка усиливала привлекательность его лица. Среди разговора о стихах Есенин сказал:

– Я теперь окончательно решил, что буду писать только о деревенской Руси».

На одном из заседаний Суриковского кружка присутствовали писатели из Петрограда. Послушав Есенина, они посоветовали ему перебраться в столицу, и Сергей загорелся этой идеей. Семёновский не раз был свидетелем разговоров об этом, о последнем поведал Н. Н. Ливкин:

«Однажды, поздно вечером, мы шли втроем – я, поэт Николай Колоколов и Есенин – после очередной „субботы“. Есенин возбуждённо говорил:

– Нет! Здесь в Москве ничего не добьёшься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письма со стихами возвращают. Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежачий камень вода не течёт. Славу надо брать за рога.

---

⁶ Редакция газеты находилась в Мамоновском переулке (с 1939 по 1993 г. – переулок Садовских).

Мы шли из Садовников, где помещалась редакция⁷, по Пятницкой. Говорил один Сергей: – Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет...

Мы расстались. А на следующий день он уехал».

Уехал Сергей 8 марта 1915 года, оставив (и как оказалось, навсегда) жену и сына. Внешне он всё ещё выглядел херувимчиком, но внутри у него что-то обломилось. Вот его откровения, высказанные М. Бальзамовой:

«Моё я – это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу чёрту, и всё за талант. Если я поймаю и буду обладать намеренным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека – у меня.

Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек. Это ещё не эпитафия.

1. Таланта у меня нет, я только бегал за ним.

2. Сейчас я вижу, что до высоты мне трудно добраться, подлостей у меня не хватает, хотя я в выборе их не стесняюсь. Значит, я ещё больше мерзкий человек. И если Вы скажете: „Подлец“ – для меня это лучшая награда. Вы скажете истину.

Да! Вот каков я хлюст! Но ведь много и не досказано, но пока оставим. Без досказа...» (6, 59–60).

Да, в северную столицу России ехал не просто хорошенький мальчик, а боец, внутренне отринувший все цивилизационные установления (вера, семья, брак, дети...) ради воплощения в реальность задатков своего творческого гения.

Признание. 9 марта 1915 года Есенин был уже в столице. Прямо с вокзала пошёл к А. А. Блоку (его адрес узнал в первом же встретившемся на его пути книжном магазине). Двери ему открыл сам Александр Александрович.

– Когда я смотрел на Блока, – вспоминал Есенин, – с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта.

«Как в первый раз? – спросит читатель. – А Суриковский кружок из кого состоял – из половых или, может быть, трупов?» Увы, вчерашние коллеги по кружку не соответствовали высоким идеалам молодого поэта (к концу его жизни это были А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь).

Блоку Есенин понравился. В дневнике он отметил: «Крестьянин Рязанской губернии. 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные».

Александр Александрович дал «крестьянину» Есенину рекомендации к нужным людям и совет быть осторожным в новом для него мире:

– За каждый шаг свой рано или поздно придётся дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Я всё это не для прописи вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унёс и чтобы болото не затянуло.

Первым Сергей Александрович посетил С. М. Городецкого, имевшего большие литературные связи. Сергей Митрофанович радушно принял посланца короля поэтов.

---

⁷ Редакция журнала «Млечный путь».

С. Есенин и С. Городецкий, 1915 г.

– Стихи, – вспоминал он, – Сергей принёс завязанными в платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи. Но не меньше, чем прочесть стихи, он торопился спеть рязанские «прибаски, канавушки и страдания»... Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарователен со своим звонким озорным голосом, с барашком выющихся льняных волос, синеглазый.

Городецкий оставил Есенина у себя, и тот некоторое время пользовался гостеприимством нового друга.

Следующий визит Сергей Александрович нанёс издательскому работнику М. П. Мурашёву. Михаил Павлович сразу проникся к нему сочувствием: накормил, расспрашивал про учёбу, спросил, где он остановился. Есенин сказал, что ночует у своих земляков. Явно соврал, так как позднее писал: «Когда Мережковский, гиппиусы и философовы открыли мне своё чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употреблённые?»

Блок, Городецкий и Мурашёв очень способствовали взлёту известности Есенина, рекомендуя его издателям и редакторам журналов. Из петербургских поэтов первым Сергей Александрович познакомился с Рюриком Ивневым. По рассказу Есенина это случилось так:

– К нему я первому из поэтов пришёл. Скосил он на меня, помню, лорнет, и не успел я ещё стишка в двенадцать строчек прочесть, а уж он тоненьким таким голосочком: «Ах, как

замечательно! Ах, как гениально! Ах...» – и, ухватив меня под ручку, поволол от знаменитости к знаменитости, свои «ахи» расточая тоненьким голоском.

Стихотворения Есенина печаталась во многих газетах и журналах – за первые полтора месяца пребывания в столице было опубликовано полсотни его произведений. Сергея Александровича приглашали в литературные салоны, в которых говорили о нём как о чуде. По салонным рассказам, неожиданно-негаданно в Петербурге появился кудрявый деревенский паренёк, в нагольном тулупе и дедовских валенках. В столицу пришёл пешком из далёкой рязанской деревни и сразу сразил своим талантом Александра Блока...

В салонах того времени преобладала эстетствующая молодёжь. Юноши пудрили щёки, мазали помадой губы, подкрашивали ресницы и брови. Среди них было много «голубых» и много претендующих на звание поэтов. Есенин с любопытством приглядывался и прислушивался к ним, но сам помалкивал. Один из современников Сергея Александровича, сошедшийся с ним в первые дни пребывания поэта в Петербурге, писал:

«Очень многое из того, что он видел вокруг, было для него новым и необычным. Отсюда возникали его смущение и любопытный взгляд исподтишка, с каким он, стараясь быть незамеченным, рассматривал незнакомые ему лица. Отсюда же проистекала постоянная настороженность молодого Есенина и та пытливая жадность, с которой он прозревал новизну».

Слух о явлении молодого крестьянского поэта, подающего большие надежды, быстро распространился по всему Петербургу. Восторженный Рюрик Ивнев утверждал:

– Литературная летопись не отмечала более быстрого и лёгкого вхождения в литературу. Всеобщее признание свершилось буквально в какие-нибудь несколько недель. Я уже не говорю про литературную молодёжь. Но даже такие «метры», как Вячеслав Иванов и Александр Блок, были очарованы и покорены есенинской музыкой.

Дружеские отношения между Есениным и Р. Ивневым установились 27 марта. В этот день Рюрик подарил Сергею Александровичу своё стихотворение:

Я тусклый, городской, больной,
Изношенный, продажный, чёрный.
Тебя увидел, и кругом
Запахло молоком, весной,
Травой густой, листвою узорной,
Сосновым свежим ветерком...

В ответ Есенин вручил новому другу стихотворение «Побирушка»:

Плачет девочка-малютка у окна больших хором,
А в хоробах смех весёлый так и льётся серебром.
Плачет девочка и стынет на ветру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает капли слёз...

На следующий день Рюрик видел Есенина на большом вечере поэтов в Доме армии и флота и был удивлён познаниями Сергея Александровича в литературе:

– Как выяснилось на этом вечере, Есенин был прекрасно знаком с современной литературой, особенно со стихами. Не говоря уже о Бальмонте, Городецком, Брюсове, Гумилёве, Ахматовой, он хорошо знал произведения других писателей. В этот вечер все познакомившиеся с Есениным поняли, каким талантом обладает этот на вид скромный юноша.

«Но понимал ли это сам поэт?» – задавал себе вопрос Ивнев и так отвечал на него:

– Казалось, что он ещё и сам не оценил самого себя. Но это только казалось, пока вы не видели его глаз. Стоило вам встретиться взглядом с его глазами, как «тайна» его обнаружива-

лась, выдавая себя: в глазах его прыгали искорки. Он был опьянён запахом славы и уже рвался вперёд. Конечно, он знал себе цену. И скромность его была лишь тонкой оболочкой, под которой билось жадное, ненасытное желание победить всех своими стихами, покорить, смять.

Не прост был Сергей Александрович, хватало в нём от лукавого. Даже в автобиографии писал: «Девятнадцати лет попал в Петербург проездом в Ревель к дяде». А в столице первое время рассказывал, что с голодухи направился в Ревель в надежде устроиться в порту грузчиком бочки катать; да вот повезло – задержался. На этот есенинский миф о себе его московский приятель А. Б. Мариенгоф говорил:

– Да какие там бочки – за мировой славой в Санкт-Петербург приехал, за бронзовым монументом. Многослойность натуры «простого» рязанского парня с обаятельной улыбкой отмечал и Р. Ивнев:

«У него было удивительное умение перевести на „шутливые рельсы“ самый серьёзный разговор и, наоборот, шутливый разговор незаметно перевести в серьёзный. Иногда, как бы тасуя карты разговора, он, хитро улыбаясь, нащупывал мнение собеседника быстрыми вопросами, причём сразу нельзя было понять, говорит он серьёзно или шутит. Как-то беседуя с ним, я сказал, что у него хитрые глаза. Он засмеялся, зажмурился, потом открыл свои повеселевшие глаза и спросил улыбаясь:

– Хитрые? Ты находишь, что они хитрые? Значит, считаешь, что я хитрый? Да?

Он очень огорчился, когда я ему ответил, что хитрые глаза совсем не означают, что он хитрый.

– Пойми меня, – объяснил я ему, – что хитрость в том и заключается, чтобы о ней никто не догадывался. А если хитрость сама вылезает наружу, сияет в глазах и как бы довольна, что её замечают, какая же это хитрость?

Но Есенин не сдавался, он не скрывал своего огорчения моим „разъяснением“ и продолжал:

– Но как могут глаза быть хитрыми, если сам человек не хитёр?

– Значит, я неправильно выразился. Не хитрые, а кажущиеся хитрыми.

– Нет, нет, – не унимался Есенин, – вот ты хитришь со мной. Назвал хитрым, а теперь бьёшь отбой.

– Можно подумать, что ты цепляешься за хитрость, как за высшую добродетель.

– Нет, нет, ты мне отвечай на вопрос: я хитрый? Да?

– Нет, ты совсем не хитрый. Но хочешь казаться хитрым.

– Значит, я всё же хитрый, раз хочу быть хитрым.

– Самый хитрый человек – это тот, о хитрости которого никто не подозревает. Хитёр тот, о хитрости которого узнают только после его смерти, а какая же это хитрость, если о ней все знают при жизни?

Есенин слушал меня внимательно. Над последней фразой он задумался. Потом, тряхнув головой, засмеялся:

– Ты думаешь одно, а говоришь о другом. Сам знаешь, что таких хитрецов не существует. Шила в мешке не утаишь».

30 марта редакция «Нового журнала для всех» устроила вечеринку для литературной молодёжи. Стихи читали Г. Иванов, Г. Адамович, Р. Ивнев, М. Струве... Наибольший успех имел кандидат в мэтры О. Мандельштам. Попросили читать и Есенина. На этот раз его успех был весьма относительным. Объясняя причину этого, студент, будущий мастер слова В. С. Чернявский, говорил:

– В таком профессиональном и знающем себе цену обществе он несколько проигрывал. Большинство смотрело на него только как на новинку и любопытное явление. Его слушали, покровительственно улыбаясь, добродушно хлопали его «коровам» и «кудратым щенкам».

Идиллические члены редакции были довольны, но в кучке патентованных поэтов мелькали презрительные усмешки.

В середине апреля литературный вечер устроил у себя Р. Ивнев. Рюрик снимал комнату у Павловых на Симеоновской улице, 5. Хозяева занимали весь первый этаж. Ивнев упросил их уступить большой зал библиотеки. По определению Чернявского, вечер был безалаберно-богемный и очень характерный для того времени. На нём преобладали снобы и «иронические и зеленолицые молодые поэты», которых объединяло равнодушие к женщине. Они бывали остроумны, но постоянно сплетничали и хихикали. Их называли нарицательно «юрочками», по имени наиболее характерного представителя «голубых».

Ни стихи Есенина, ни он сам этой публике не понравились. Петербургский снобизм и затаённая зависть к талантливой «деревенщине» отталкивали от него, и они поспешили закрепить за ним ярлык «кустарного петушка», сусального поэта в пейзажном⁸ стиле.

После чтения стихов и чая гости собрались в небольшой комнате хозяина вечера и попросили Есенина спеть им частушки, напомнив при этом о похабных, о которых он сам говорил. С лёгкой ухмылкой Сергей согласился, но рязанская похабщина не впечатлила «избранное» общество. Слушали его плохо, по углам шушукались, раздавались отдельные выкрики. Есенин стал сбиваться и наконец замолчал. Вечер не удался, контакта со сверстниками не получилось, и поэт не жалел об этом, ориентируясь в основном на литераторов более зрелого возраста.

Таковым был М. В. Бабенчиков, преподаватель искусствования. С ним Сергей Александрович любил бродить по Петербургу и разговаривать, разговаривать...

«Петербург в такие минуты, – писал позднее Михаил Васильевич, – владел всеми нашими помыслами. Акварельные фасады лимонно-жёлтых и нежно-фисташковых зданий, отражающиеся в тёмной глади Невы, каналы, тенистые сады, ажурный взлёт мостов и казавшаяся гигантской фигура Медного всадника, простёршего свою длань над городом, будили в нас поэтические чувства. Помню, раз после одной из таких длинных прогулок стеклянным петербургским вечером мы остановились с Есениным на набережной Невы. Он вспоминал родную Оку, что-то говорил о своём будущем, и нам было отрадно думать, что когда-то здесь, быть может, стоял и Пушкин. Петербург, Пушкин, пушкинская эпоха были в центре художественных интересов тогдашней литературной молодёжи.

Несмотря на всю откровенность, с какой Есенин говорил о себе, некоторая сторона его жизни долго оставалась для меня неизвестной. Я почти ничего не знал о его пребывании перед тем в Москве, и большинство рассказов Есенина сводилось к детским годам, проведённым в родной рязанской деревне. Вспоминая со мной о своём деревенском прошлом, молодой Есенин радостно и весело раскрывал себя. И самые слова, произносимые им по этому поводу, были тоже какими-то особенными, солнечными, лучезарными, не похожими на обычные будничные слова. А голос чистым и звонким.

– Весенний! Есенин! – невольно как-то вырвалось у меня при взгляде на его сияющее улыбочливое лицо.

И он тотчас же на лету подхватил мою шутку.

– Весенний! Есенин! Ловко ты это придумал, хотя и не сам, сознайся, а Лев Толстой. Есть у него в „Войне и мире“ что-то вроде. Люблю и боюсь я этого старика. А отчего, не знаю. Даже во сне вижу. Махонький такой, мохнатенький, вроде лесовика. Идёт, палкой суковатой постукивает. И вдруг как заорёт:

„Серёга! Зачем дом бросил!“»

В Константинове. Лето 1915-го. Домом для Есенина была не созданная им семья (жена и сын), а Константиново. Проездом в пенаты он остановился на два дня в Москве. А. Р. Изряд-

---

⁸ В пейзажном – в приукрашенном сельском быте.

нова, любящая и всепрощающая, была счастлива жалким подарком судьбы и с благодарностью говорила, приукрашивая горькую действительность:

– В мае приехал в Москву уже другой. Был всё такой же любящий, внимательный, но не тот что уехал. Немного побыл в Москве, уехал в деревню, писал хорошие письма⁹.

В Константинове Сергей Александрович, пробыл пять месяцев, с 1 мая по 29 сентября. Там он написал свою единственную повесть «Яр» и подготовил к печати первый сборник стихов «Радуница». Возвращению в родное село посвятил следующие строки:

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поёт мой ямщик наумяк¹⁰:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

Не эта ли песня навела и Есенина на невесёлые мысли?

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с верёвкой на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

Странное,стораживающее впечатление производит стихотворение «В том краю, где жёлтая крапива...». Откуда это провидческое указание на свою судьбу и столь раннее подытоживание пройденного пути? Прозрение! С этой стороной творчества Есенина читатель столкнётся ещё не раз.

---

⁹ Ни одного письма Есенина к Изрядновой не сохранилось, и, судя по отношению его к первой жене, закрадывается сомнение в том, что они вообще были.

¹⁰ *Наумяк* – наугад, наобум.

Находясь в Константинове, Сергей Александрович вёл переписку с Н. А. Клюевым и Л. Каннегисером. О последнем Есенин писал В. С. Чернявскому:

«Дорогой Володя! Радёхонек за письмо твоё. Жалко, что оно меня не застало по приходе. Поздно уже я его распечатал. Приезжал тогда ко мне Каннегисер. Я с ним пешком ходил в Рязань, и в монастыре были, который далеко от Рязани. Ему у нас очень понравилось. Всё время ходили по лугам, на буграх костры жгли и тальянку слушали. Водил я его и на улицу. Девки ему очень по душе. Полюбилось так, что ещё хотел приехать. Мне он понравился ещё больше, чем в Питере» (6, 71).

Сергей познакомился с Леонидом в самом начале своего приезда в Петербург. Молодые люди сразу сдружились и вместе посещали всяческие собрания и вечера. Марина Цветаева, знавшая их, писала в эссе «Нездешний вечер»:

М. Цветаева

«Лёня, Есенин. Неразрывные, неразлучные друзья. В их лице, в столь разительно разных лицах сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись – через всё и вся – поэты.

Так и вижу их две сдвинутые головы – на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... Лёнина черная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, есенинские васильки, Лёни-ны карие миндалины. Приятно, когда обратно – и так близко. Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы...»

Пребывание в Константинове Каннегисеру очень понравилось, и 21 июля он писал о своих впечатлениях из Брянска:

«Дорогой Серёжа, вот уже почти 10 дней, как мы расстались! А кажется, что ещё гораздо больше: я был в разных местах, и от этого время всегда растягивается и представляется более долгим, хотя проходит скорее.

А был я в Туле, в Ясной Поляне, в Орле и целых 5 дней провёл в Брянске, где сначала ждал денег, а потом парохода. Теперь я дождался и того и другого и сегодня ночью отбываю в Чернигов. Дальнейшие мои намерения ещё не выяснились, мой адрес – даю тебе в Чернигове: пиши туда до востребования.

Как твои дела? Не уехал ли в Москву? Пишешь ли? Я бы очень хотел повидать тебя опять поскорее, т. к. в те дни, что провел у тебя, сильно к тебе привык. Очень мне у вас было хорошо! И за это вам – большое спасибо!

Через какую деревню или село я теперь бы ни проходил (я бываю за городом) – мне всегда вспоминается Константиново и не было еще ни разу, чтобы оно побледнело в моей памяти или отступило на задний план перед каким-либо другим местом. Наверное знаю, что запомню его навсегда. Я люблю его.

Ходил вчера в Свяжский монастырь: он в шестнадцати верстах от города, на берегу Десны. Дорога ведёт по возвышенной части берега, но она пыльная, и я шёл стёжками вдоль реки и, конечно, вспомнил другую реку, другие стёжки по траве и рядом со мною – босого и весёлого мальчика. Где-то он теперь? И вспоминает ли также и он небритую и загорелую физиономию спутника, не умевшего лазить по горам, но любовно запоминавшего „Улогого“ и „Разбойника“...

Передай, пожалуйста, сердечный привет Татьяне Фёдоровне, Кате, Шурке и Лене, а тебя нежно целую и жму руку.

Твой Л. Каннегисер».

М. Цветаева отмечала, что Каннегисер слишком хрупок и нежен – цветок. «Старинный томик „Медного всадника“ держит в руке – как цветок, слегка отстранив руку – саму как цветок. Что можно сделать такими руками?»

Оказалось – многое, например большевистский террор, вызванный убийством Каннегисером палача М. Урицкого. Но это ещё впереди, а пока отметим, что своему другу Есенин посвятил стихотворения «Даль подёрнулась туманами...» и «Ещё не высох дождь вчерашний...».

Ещё не высох дождь вчерашний
В траве зелёная вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.

Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся муже
Хочу постичь твой милый лик.

Ты всё загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше
И дружба верная моя.

И если смерть по божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом поле
Пойду за смертью и тобой.

К счастью, не пришлось Сергею Александровичу пойти за смертью друга – в марте 1918 года их пути разошлись.

...Н. А. Клюева Есенин не знал. Впервые услышал об этом поэте от С. М. Городецкого и загорелся желанием познакомиться с ним. 24 апреля отправил ему открытку:

«Дорогой Николай Алексеевич!

Читал Ваши стихи, много говорил о Вас с Городецким и не могу не писать Вам. Тем более тогда, когда у нас есть с Вами много общего. Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только на своём рязанском языке. Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 принято 51. Взяли „Северные записки“, „Русская мысль“, „Ежемесячный журнал“ и др. А в „Голосе жизни“ есть обо мне статья Гиппиус.

Я хотел бы с Вами побеседовать о многом, но ведь „через быстру реченьку, через тёмненький лесок не доходит голосок“. Если Вы прочитаете мои стихи, черкните мне о них. Осенью Городецкий выпускает мою книгу „Радуница“. В „Красе“ я тоже буду. Мне очень жаль, что я на этой открытке ничего не могу ещё сказать. Жму крепко Вашу руку. Рязанская губ., Рязанский у., Кузьминское почт. отд., село Константиново, Есенину Сергею Александровичу¹¹» (6, 66).

В начале мая пришёл ответ. Клюев писал: «Милый братик, почитаю за любовь узнать тебя и говорить с тобой, хотя бы и не написала про тебя Гиппиус статьи и Городецкий не издал твоих песен. Если что имеешь сказать мне, то пиши немедленно. Мне многое почувствовалось в твоих словах, продолжи их, милый, и прими меня в сердце своё».

Здесь надо отметить, что Есенин придавал большое значение критике и тщательно собирал все отзывы о себе и своём творчестве. Но, находясь вне столицы, не знал о рецензии Зои Бухаровой, появившейся 11 июня в официальной газете «Петербургские ведомости». Подводя итоги пятидесятидневного пребывания Сергея Александровича в Петербурге, рецензент писала:

«Из рязанской губернии приезжал 19-летний крестьянский поэт Сергей Есенин. Отдельные кружки поэтов приглашали юношу нарасхват. Он спокойно и сдержанно слушал стихи модернистов, чутко выделял лучшее в них, но не увлекаясь никакими футуристическими зигзагами. Стихи его очаровывают прежде всего своей непосредственностью; они идут прямо от земли, дышат полем, хлебом и даже прозаическими предметами крестьянского быта».

Приводя как пример стихотворение «Пахнет рыхлыми драчёнами...», Бухарова замечала: «Вот поистине новые слова, новые темы, новые картины! В каждой губернии целое изобилие своих местных выражений, несравненно более точных, красочных и метких, чем пошлые, вычурные словообразования Игоря Северянина, Маяковского и их присных».

Лестное сравнение и, так сказать, перспективное: Есенин и Маяковский будут соперничать друг с другом все последующие годы. Но вернёмся к адресату нашего героя.

---

¹¹ Открытка была отправлена из Петербурга, но, так как Есенин уже готовился к отъезду в Константиново, он и дал этот адрес.

Клюев уже был признанной фигурой в литературной среде, получить от него такое ласковое и ободряющее письмо – лестно, и молодой поэт успокоился: на следующие послания олончанина не ответил. А тот волновался и умасливал рязанца: «Я очень люблю тебя, Серёжа, заочно – потому что слышу твою душу в твоих писаниях...»

В последнем, августовском письме Клюев показывает себя наставником младшего собрата по перу, предостерегает его от двоедушия петербургского общества, делится своим опытом пребывания в нём. Это письмо интересно раскрытием взгляда на это общество человеком «от сохи». «Я помню, – писал Николай Алексеевич, – как жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишья в разговоре, вздохнула, закатила глаза и изрекла:

– Да, хорошо быть крестьянином.

Подумай, товарищ, не заключается ли в этой фразе всё, что мы с тобой должны возненавидеть и чем обижаться кровно. Видите ли – не важен дух твой, бессмертное в тебе, и интересно лишь то, что ты, холуй и хам-смердяков, заговорил членораздельно.

Мы с тобой козлы в литературном огороде, и только по милости нас терпят в нём. В этом огороде есть немало колючих кактусов, избегать которых нам с тобой необходимо для здоровья как духовного, так и телесного.

Особенно я боюсь за тебя: ты как куст лесной шипицы, который чем больше шумит, тем больше осыпается. Твоими рыхлыми драчёнами¹² обвелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском. Я не верю в ласки поэтов-книжников и не лягать их тебе не советую. Верь мне. Слова мои оправданы опытом. Ласки поэтов – это не хлеб животный, а „засахаренная крыса“, и рязанцу и олончанину это блюдо по нутру не придёт, и смаковать его нам прямо грешно и безбожно. Быть в траве зелёным и на камне серым – вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть».

---

¹² Драчёны – блины.

Н. Клюев и С. Есенин. Художник В. А. Юнгер, 1915 г.

Клюев сразу понял, что в литературу пришёл отнюдь не мальчик с многообещающим дарованием, не сказочный херувим, а уже зрелый и самобытный поэт. Особенно подкупили Николая Алексеевича, человека глубоко религиозного, стихотворения Есенина с образом Иисуса Христа, воплощённого в земных страдальцах – в людях:

Я вижу – в просиничном платё,
На легкокрылых облаках,
Идёт возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несёт для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».

И в каждом страннике убогом

Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

Путь навверх

«**Полюбили рязанского Леля**». В Константинове Есенин находился пять месяцев, в Петроград вернулся 1 октября. Уже на следующий день встретился с Клюевым; а 25-го они вместе выступили на концерте в зале Тенишевского училища. Клюев держался степенно, говорил нараспев глуховатым тенорком. Был он среднего роста, плечистый, с густо намаженной головой. Одной из зрительниц он показался вдвое старше Есенина. О последнем она говорила:

– Рядом с Клюевым Есенин, простой, искренний, производил чарующее впечатление: в его внешности было что-то лёгкое и ясное. Блондин с почти льняными, светлыми волосами, слегка выющимися, Есенин был довольно коротко острижен, глаза голубовато-серые, очень живые и серьёзные, внимательные, но с какими-то удивительно озорными искорками, которые то вспыхивали, то вновь исчезали. Вообще он был красив неброской славянской красотой.

Есенин был в белой с серебром рубашке, которая положила начало театрализации его выступлений, приведшей к поддёржкам и сафьяновым сапогам.

«Петроградские ведомости» так откликнулись на этот концерт: «Когда-нибудь мы с умилением и восторгом вспомним о сопричастности нашем к этому вечеру, где впервые предстали нам ясные „ржаные лики“ двух крестьянских поэтов, которых скоро с гордостью узнает и полюбит вся Россия.

Робкой, застенчивой, непривычной к эстраде походкой вышел к настроженной аудитории Сергей Есенин. Хрупкий девятнадцатилетний крестьянский юноша с вольно выющимися золотыми кудрями, в белой рубашке, высоких сапогах, сразу уже одним милым доверчиво-добрым, детски чистым своим обликом властно приковал к себе все взгляды.

И когда он начал с характерными рязанскими ударениями на „о“ рассказывать меткими, ритмическими строками о страданиях, надеждах, молитвах родной деревни („Русь“), когда засверкали перед нами необычные по свежести, забытые по смыслу, а часто и совсем незнакомые обороты, слова, образы, когда перед нами предстал овеванный ржаным и лесным благоуханием „Божией милостью“ юноша-поэт, – размягчились, согрелись холодные, искушённые, неверные, тёмные сердца наши, и мы полюбили рязанского Леля».

Вечер в зале Тенишевского училища организовал С. М. Городецкий. Это было его последнее деяние для Есенина. В ноябре их пути разошлись. Ближайшим другом, учителем и постоянным спутником молодого поэта стал Н. А. Клюев. Началась их общая работа, которая проходила под знаком верности народным истокам.

Вскоре Сергей Александрович заключил договор на издание своей первой книги: «1915 года, ноября 16 дня продал Михаилу Васильевичу Аверьянову в полную собственность право первых изданий в количестве трёх тысяч экземпляров моей книги стихов „Радуница“ за сумму сто двадцать пять рублей и деньги сполна получил.

Означенные три тысячи экземпляров М. В. Аверьянов имеет право выпустить в последовательных изданиях.

Крестьянин села Константиново Рязанского уезда и Рязанской губернии Кузьминской волости.

Сергей Александрович Есенин
Петроград, Фонтанка, 149, кв. 9».

Писал Есенин после возвращения в столицу мало: почти всё время занимали различные вечера, визиты к литераторам и в буржуазные семьи. Везде его принимали охотно. В богатых салонах сынки и дочки хозяев стремились показать чудо-крестьянина родителям. За ним ухаживали, его сажали на золочёный стул за столик с бронзовой инкрустацией. Дамы в умилении лорнировали его; а как только с упором на «о» он произносил «корова» или «сенокос», они приходили в шумный восторг:

– Повторите, как вы сказали? Ко-ро-ва? Нет, это замечательно! Это прелестно!

За трогательную и «нездешнюю» внешность Есенина называли «пастушком», «Лелем» и «ангелом». Женщины из литературной богемы открыто притязали на его любовь, Сергей относился первоначально к ним с вежливым опасением и приводил ближайших друзей в весёлое настроение своими сомнениями по поводу чистоты намерений девиц.

– Они, пожалуй, тут все больные, – часто повторял он.

В. С. Чернявский говорил по этому поводу:

– На первых порах Есенину пришлось со смущением и трудом избавляться от упорно садившейся к нему с ласками на колени маленькой поэтессы, говорящей всем о себе тоненьким голосом, что она живёт в мансарде «с другом и белой мышкой». Другая, сочувствующая адмизму, разгуливала перед ним в обнажённом виде, и он не был уверен, как к этому отнестись; в Питере и такие штуки казались ему в порядке вещей. Третья, наконец, послужила причиной его ссоры с одним из приятелей, оказавшись особенно решительной. Он ворчал шутливо: «Я и не знал, что у вас в Питере эдак целуются. Так присосалась, точно всего губами хочет вобрать». Но вся эта женская погоня за неискушённым и, конечно, особенно привлекательным для гурманок «пастушком» – так, по словам Сергея, ничем и не кончилась до первой его поездки в качестве эстрадного поэта в Москву.

Совсем другим увидел молодого поэта литературовед Л. М. Клейнборт, тоже способствовавший широкому признанию Есенина: «Он как-то обратил внимание на стихи, присланные одной поэтессой из Москвы. Заглянув в стихи, усмехнулся.

– Чему вы? – спросил я.

– Знаю я эту... блудницу... Ходил к ней.

– Ходили? – переспросил я.

– Да, не один. Ходили мы к ней втроём... вчетвером...

– Втроём... вчетвером? – с удивлением повторил я. – Почему же не один?

– Никак невозможно, – озорной огонь заблестел в его глазах. – Вот – не угодно ли?

Он прочёл четыре скабрёзных стиха.

– Это её! – сказал он. – Кто её „мёда“ не пробовал!

Мне бросились в глаза очертания его рта. Они совсем не гармонировали с общим обликом его, таким тихим и ясным. Правда, уже глаза его были лукавы, но в то же время всё же наивны. Губы же были чувственны; за этой чувственностью пряталось что-то, чего недоговаривал общий облик.

Он вдруг сказал: «Я баб люблю лучше... всякой скотины. Иной раз совсем без ума станешь».

Это неэстетичное определение поэтом-лириком лучшей половины человечества исчерпывающе определяет его отношение к женщине: загорался на месяц-два, а потом не знал, куда сбежать. Длительных привязанностей у него не было. А то, что он называл любовью, было просто сильной страстью, о чём он и сам неоднократно говорил.

Зимой 1915/16 года Есенин был частым посетителем кабаре «Привал комедиантов»¹³. Итак, цитируем:

«В „Бродячей собаке“, где мы часто бывали с Есениным и где было всегда шумно, но не всегда весело, встречалось великое множество самых разнообразных людей, начиная с великосветских снобов и заканчивая маститыми литераторами и актёрами. „Собаку“ почти ежедневно посещали поэты-царскосёлы во главе с Гумилёвым и Ахматовой и целая свора представителей „обойной“ поэзии, получившей такую злую кличку после того, как сборник стихов этой группы вышел напечатанным на обойной бумаге.

¹³ М. В. Бабенчиков, оставивший воспоминания об этом заведении, ошибочно именуется его «Бродячей собакой».

В „Собаке“ играли, пели, сочиняли шуточные экспромты, танцевали, рисовали шаржи друг на друга самые знаменитые артисты и художники. Здесь я много раз слышал Маяковского, Игоря Северянина, Есенина, читавших впервые свои новые стихи. Когда Есенин читал, глядя на него, мне всегда казалось почти невероятным, что где-то глубоко-глубоко внутри этого шуплого с виду паренька с лукаво бегающими глазками и типичной повадкой деревенского жителя струится неиссякаемый родник кристально чистой поэзии».

Встречи. Зимний период пребывания Есенина в Петрограде оказался плодотворным в смысле знакомств с интересными и незаурядными людьми: с А. М. Горьким, И. Е. Репиным, А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилёвым и М. И. Цветаевой.

У маститого писателя молодой поэт восторга не вызвал:

– Впервые я увидел Есенина в Петербурге, где-то встретил его вместе с Клюевым. Он показался мне мальчиком пятнадцати – семнадцати лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддёвке и сапогах с набором, он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей, всех с одним и тем же лицом. Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге¹⁴.

А. А. Ахматова и Н. С. Гумилёв жили в Царском Селе. Есенин и Клюев посетили их 25 декабря. С собой незваные гости прихватили «Биржевые ведомости» за этот день; в номере было напечатано одно из ранних стихотворений Сергея:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зелени твоих стозвонных.

По меже, на перемётке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в чётки
Ивы – кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришёл на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Анна Андреевна вспоминала: «Немного застенчивый, беленький, кудрявый, голубоглазый и донельзя наивный, Есенин весь сиял, показывая газету. Я сначала не понимала, чем было

---

¹⁴ Писатель П. И. Карпов уточнял воспоминания Горького: «Это было в Питере зимой в разгар Мировой войны. Давался один из вечеров. Собрались редкие гости – „жрецы искусства“. Горький наблюдал за двумя „избьяными“ поэтами Клюевым и Есениным. Те в бархатных кафтанах и шёлковых рубашках читали свои стихи о Руси. Горький вначале им хлопал, но когда они кончили, пробурчал добродушно:– Однообразно уж очень. Изба да лапти. Это несчастье наше: лапти. А у нас склонны их воспевать. Гм!..» (Этот вечер проходил в квартире художницы Н. И. Любавиной.)

вызвано это его сияние. Помог понять, сам не очень мною понятый, его „вечный спутник“ Клюев.

– Как же, высокочтимая Анна Андреевна, – расплываясь в улыбку и топорща моржовые усы, почему-то потупив глазки, проворковал, да, проворковал сей полудьяк, – мой Серёженька со всеми знатными пропечатан, да и я удостоился».

А. Ахматова. Художник Ю. Анненков

Номер газеты посвящался Дню Рождества Христова, и в нём были представлены произведения широко известных писателей и поэтов: Л. Андреева, Белого, Брюсова, Блока, Бунина, Волошина, Гиппиус, Мережковского, Ремизова, Скитальца, Сологуба, Тренёва, Тэффи, Шагинян, Щепкиной-Куперник. В этот «Ноев ковчег» Иероним Ясинский, председатель литературно-художественного общества «Страда», собрал всех, даже совершенно несовместимых

авторов, руководствуясь одним принципом – их известностью. Немудрено было, понимая это, и засиять.

Конечно, Сергей Александрович прочитал Ахматовой поднесённое ей стихотворение, и она зачарованно слушала его:

– Читал он великолепно. Я просила ещё читать, и он читал. Читая, Есенин был ещё очаровательнее. Иногда он прямо смотрел на меня, и в эти мгновения я чувствовала, что он действительно «всё встречает, всё приемлет», одно тревожило, и эту тревогу за него я так и сохранила, пока он был с нами, тревожила последняя строка: «Я пришёл на эту землю, чтоб скорей её покинуть».

Тревожила долго, ведь Ахматова была русской Кассандрой: «...гибель накликала милым, и гибли один за другим». Анна Андреевна проводила в царство теней своего ближайшего друга Николая Владимировича Недоброво за три года до его реальной смерти. В стихотворении «Не быть тебе в живых...» предсказала смерть Гумилёва, а позднее и гибель Есенина:

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.

Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.

Стихотворение это называется «Памяти Сергея Есенина» и написано при его жизни! Поэтому никто его не знал: обнаружено оно было в архиве Ахматовой после её кончины. Своим проклятым даром она мучилась, и мало кто знал о нём.

Есенин, кстати, обладал высокой степенью предчувствия. На встречу с Ахматовой он шёл с интересом и ожиданием чуда. Приняли его хорошо. Анна Андреевна подарила ему поэму «У самого моря» (с дарственной надписью, конечно). Гумилёв – свой сборник «Чужое небо». Расстались дружески, и всё же что-то долго угнетало поэта. После возвращения Есенина от Ахматовой его видела З. И. Ясинская и с удивлением писала:

«Помню, как волновался Есенин накануне назначенного свидания с Анной Ахматовой: говорил о её стихах и о том, какой он её себе представляет, и как странно и страшно, именно страшно, увидеть женщину-поэта, которая в печати открыла сокровенное своей души.

Вернувшись от Ахматовой, Есенин был грустным, заминал разговор, когда его спрашивали о поездке, которой он так ждал. Потом у него вырвалось:

– Она совсем не такая, какой представлялась мне по стихам.

Он так и не смог объяснить нам, чем же не понравилась ему Анна Ахматова, принявшая его ласково, гостеприимно. Он не сказал определённо, но как будто жалел, что поехал к ним».

Больше они никогда не виделись и, по-видимому, неслучайно.

«Старики». Зоя Иеронимовна была дочерью И. И. Ясинского, у которого часто собирались петербургские литераторы старшего поколения. Жили Ясинские в Лесном (Головинская улица), на Чёрной речке. Это была окраина Петербурга, в которой смешались старомодный уют века прошлого с веком нынешним. Дом Иеронима Иеронимовича напоминал просторную зимнюю дачу, гостиная которой вмещала до сорока человек. С осени в Лесном стал часто бывать Есенин. На Зою Сергей Александрович произвёл чарующее впечатление.

«Мне, – вспоминала она, – сверстнице Есенина, молодой поэт показался немного старше своих лет, ему можно было дать и двадцать один год: на лице лежала печать озабоченности, житейского опыта. Он был немного выше среднего роста. Одевался по-европейски и никакой русской поддёвки не носил. Костюм, по-видимому, купленный в магазине готового платья, сидел хорошо на ладной фигуре, под костюмом – мягкая рубашка с отложным воротничком. Носил он барашковую шапку и чёрное пальто. Так одевались тогда в Питере хорошо зарабатывавшие молодые рабочие.

Есенин имел городской вид и отнюдь не производил впечатления провинциала, который „может потеряться в большом городе“. Держался он со скромным достоинством и не отличался застенчивостью».

В 1915 году Ясинскому было шестьдесят пять лет, примерно таковым являлось и его окружение. «Старики» вспоминали былое. Рассказы их о Тургеневе, Гончарове, Салтыкове-Щедрине, Гаршине, Софье Перовской и Кибальчиче в ярких картинах воспроизводили историю последнего полувека, были занимательны и поучительны. Конечно, говорили о войне, о правительственных перемещениях, воровстве в армии и разложении самодержавия.

На таких собраниях Есенин читал стихотворения, в которых больше чувствовался «крестьянский дух». Их встречали с одобрением, обсуждали и разбирали. Ясинский, ссылаясь на классиков, советовал Сергею Александровичу соблюдать правила русской грамматики, не злоупотреблять словами, которые непонятны читателям, не отсекай слоги в словах и в падежных окончаниях. Словом, поэт не без пользы проводил время среди «стариков» Лесного.

Есенина приглашали в самые разные семьи. «Помню, – писал В. С. Чернявский, – случилось мне быть спутником Сергея в очень аристократическом доме, где всё было тихо и строго. Его позвали прочесть стихи старому, очень почтенному академику, знатоку литературы и мемуаристу¹⁵. В чопорной столовой хозяйка дома тихонько выражала удивление, что он такой „чистенький и воспитанный“, несмотря на простую ситцевую рубашку, что он как следует держит ложку и вилку и без всякой мешанской конфузливости отвечает на вопросы».

Нет, Есенин всё-таки робел перед сановным академиком и, когда тот обращался к нему, норовил встать. Чернявский тихонько дёргал за рубашку, чтобы он сидел. Старик снисходительно слушал чтение стихов, одобрял их, но не без замечаний:

– Милый друг, а Пушкина вы читали? Ну так вот, подумайте сами, мог ли сказать Пушкин, что рука его крестится «на извёстку колоколен»?

Запели тёсаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я тёплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на извёстку колоколен
Невольню крестится рука.

Последовало длинное поучение о грамматике и чистоте русского языка. Покрасневший Есенин стоял вытянувшись в струнку.

«Старики» с самыми добрыми намерениями наставляли молодого поэта. Тот же И. И. Ясинский советовал:

¹⁵ Предполагается, что это был А. Ф. Кони.

– Пишите просто, к этому вы всё равно придёте, милочка. Читайте больше Пушкина, читайте и перечитывайте Пушкина по два часа ежедневно.

– Что мне Пушкин! – взорвался Есенин. – Я буду больше Пушкина!

Это «скромное» заявление было сделано на заседании общества поэтов имени Константина Случевского. Ошарашенные такой амбициозностью двадцатилетнего поэта, члены общества молчали.

Замечательный лирик был крайне самолюбив и с трудом сдерживал барственно-покровительственное отношение сильных мира сего. Характерен в этом плане случай у графини Клейнмихель, представительницы одного из крайних монархических течений. В один из «четвергов» графини в шикарном особняке на Сергиевской собралось общество, близкое к придворным кругам. «За парадным ужином, – рассказывает современник, – под гул разговоров, звон посуды и лязг ножей, Есенин читал свои стихи и чувствовал себя в положении ярмарочного фигляра, которого едва достаивают высокомерным любопытством. Он сдерживал закипавшую в нём злость и проклинал себя за то, что согласился сопутствовать Клюеву. Когда они собрались уходить и надевали в передней свои тулупы, важный старик дворецкий с густыми бакенбардами вынес им на серебряном подносе двадцать пять рублей.

– Это что? – спросил Есенин, внезапно багровея.

– По приказанию её сиятельства, вам на дорожку-с!

– Поблагодарите графиню за хлеб-соль, а деньги возьмите себе! На нюхательный табак! И ушёл, хлопнув дверью».

Выступления в Москве. 1916 год начался для Есенина с поездки в Москву. 7–10 января он вместе с Клюевым выступал в лазарете для раненых при Марфо-Мариинской общине (Б. Ордынка, 34). Это медицинское заведение находилось под патронажем великой княгини Елизаветы Фёдоровны, сестры императрицы. 12-го неразлучная пара была уже в доме самой великой княгини. Художник М. В. Нестеров, оказавшийся среди приглашённых, оставил зарисовку выступавших:

«В противоположном конце комнаты сидели сказители. Их было двое: один молодой, лет двадцати, кудрявый блондин, с каким-то фарфоровым, как у куколки, лицом. Другой – сумрачный, широколицый брюнет лет под сорок. Оба были в поддёвках, в рубахах-косоворотках, в высоких сапогах».

Следующее выступление Есенина и Клюева проходило в галерее Лемерсье на Петровке. Организовало его Общество свободной эстетики. Литературовед и историк русской поэзии И. Н. Розанов вспоминал: «Распорядитель объявил, что стихи будут читать сначала Клюев, потом... последовала незнакомая фамилия. „Ясенин“ послышалось мне. И когда через полгода я купил только что вышедшую „Радуницу“, я не без удивления увидел, что фамилия автора начинается с „е“ и что происходит она не от „яшень“, а от „осень“, по-церковнославянски „есень“».

С. Есенин

Есенин начал своё выступление с чтения стихотворения «Сказание о Евпатии Коловрате», а Клюев – с «Беседного выигрыша»:

Народилось железное царство
Со Вильгельмищем, царищем поганым —
У него ли, нечестивца, войска – сила,
Порядового народа – несусветно...

В перерыве И. Н. Розанов прислушивался к разговорам публики. В основном говорили о Клюеве. «Но среди слушателей раздавались и голоса, отдававшие предпочтение безвестному до сих пор в Москве Есенину перед гремевшим в обеих столицах Клюевым. Мне лично Клюев

показался слишком перегруженным образами, а местами и прямо риторичным. Есенина я, как и многие другие, находил проще и свежее. Были стихотворения, понравившиеся мне целиком, например „Корова“:

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил её выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок...

Кажется, первый раз в русской литературе поэт привлекал внимание к горю коровы».

К последнему замечанию Розанова можно добавить, что Сергей Александрович любил всех животных и в стихотворении «Я обманывать себя не стану...» писал: «Для зверей приятель я хороший». И, кстати, когда он находился в Москве, в «Биржевых ведомостях» было напечатано его замечательное стихотворение «Лисица»:

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей всё бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь...

Выступление петербургских гостей москвичи приняли довольно сдержанно: ни бурных аплодисментов, ни охов и ахов не было. «Жавороночек», как называл Клюев своего напарника и «сына», большинству публики понравился, фамилию его запомнили. Но и только. Конечно, это было немало, но не для молодого честолюбца, избалованного своими успехами в столице. Сдержанным оказался и отчёт об этом вечере, напечатанный 22 января в московской газете «Утро России»:

«Вчера Общество свободной эстетики утроило вечер народных поэтов Н. Клюева и С. Есенина. Поэты ещё до чтения своих стихов привлекли внимание собравшихся своими своеобразными костюмами: оба были в чёрных бархатных кафтанах, цветных рубахах и жёлтых сапогах. После небольшого выступления И. И. Трояновского, указавшего, что Н. Клюев слушателям уже известен, а г. Есенин выступает в Обществе свободной эстетики первый раз, поэты начали чтение стихов. Н. Клюев прочёл былинно-сказание „О Вильгельмище, царе поганьем“, а г. Есенин – сказание о Евпатии Коловрате. Затем поэты читали поочередно лириче-

ские стихотворения. В произведениях обоих поэтов в значительной мере нашла своё отражение современная война».

И стандартное заключение: «Оба поэта имели у слушателей успех».

Симптоматично определение выступления Есенина и Клюева в Обществе свободной эстетики А. Р. Изрядновой, гражданской жены Сергея Александровича:

Георгий Изряднов. Сын С. Есенина и А. Изрядновой

– В «Эстетике» на них смотрели как на диковинку.

Запись о пребывании Есенина в Москве занимает в воспоминаниях Анны Романовны один абзац. И в нём ни малейшего намёка на то, что Сергей Александрович был у неё и повидал сына, которому как раз 21 января исполнился год и один месяц. А это, по-видимому, было для Изрядновой более важно, чем отметить только факт пребывания отца её сына в Москве. Скорее всего, Есенин не сделал этого.

Первый сборник стихов. 24 января Есенин вернулся в Петроград. Там его ждала радость – выход первого сборника стихов. Название ему Сергей Александрович дал по празднику Радуницы (радость), который предвещал Пресветлое Воскресение, то есть новый приход Христа:

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,

Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между ёлок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.